

Саратовский духовный вестникъ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 23-й. Воскресенье, 8 июля 1908 г.

Годъ изданія 4-й.

Принимается подписка на еженедельный журналъ «Саратовский Духовный Вестникъ»: годовая плата съ пересылкою 6 руб., полугодная—3 руб. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ, 2 руб.—къ 1-му апрѣлю и 2 руб. къ 1-му юлю.

Отдѣльные ММ. продаются по 12 коп. выходя отъ 1-го апрѣля.

Журналъ издается по слѣдующей программѣ:

- 1) Религиозно-нравственный отдѣлъ.
- 2) Патриотическій отдѣлъ.
- 3) Общій церковно-общественный отдѣлъ.
- 4) Мѣсячный Саратовскій церковно-общественный отдѣлъ.
- 5) Библиографическій отдѣлъ.
- 6) Разныя извѣстия и замѣтки.
- 7) Официальный отдѣлъ.
- 8) Объявленія.

Подписка принимается:

- 1) въ конторѣ редакціи (д. бинны Ростовцева, ридомъ съ арх. дом.);
- 2) у редактора, протоіерія І. П. Кречетовича (Мирный переулокъ, домъ 8);
- 3) въ книжномъ складѣ Саратовскаго Епарх. учн. Совѣта (Московская ул.). Здѣсь же принимаются и объявленія по 15 коп. за строку (или мѣсто строки) въ одинъ столбчикъ и по 30 коп. за строку (или мѣсто строки) въ ширину страницъ; годовыя, полугодныя объявленія и на срокъ по соглашенію.

СОДЕРЖАНІЕ

- I. Вракъ, безбрачіе и монашество епископовъ. (Продолженіе) Святиицика Алексія Доброгорова.
- II. Оны ахилеев отзвонъ.
- III. Славянскія традиціи въ славянскомъ обществѣ.
- IV. Какъ обезпечить духовенство? (Вирж. Вѣд.) Сениц. П. К.—до.
- V. Видимость о церковныхъ школахъ Саратовской епархіи за 1907 годъ.
- VI. Официальныя извѣстія.
- VII. Объявленія.
- VIII.

Редакторъ, Протоіерей І. Кречетовичъ.

I. Бракъ, безбрачїе и монашество епископовъ. (Продолженіе).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ церковныхъ правилъ и фактовъ исторіи, которые такъ или иначе имѣютъ отношеніе къ вопросу о безбрачїи и монашествѣ епископовъ. Въ первомъ посланіи къ Тимоѳею Апостолъ Навель пишетъ: подобаетъ епископу быти единыя жены мужу (III, 2). Можно эти слова отнести къ архiereямъ, которые во дни апостоловъ нѣрѣдко связаны были брачными узами, но вѣрнѣе отнести къ пресвитерамъ, такъ какъ апостолъ, говоря въ этой главѣ объ обязанностяхъ священнослужителей упоминаетъ епископовъ и потомъ въ стихѣ 8 прямо переходитъ къ діаконамъ, на которыхъ распространяется то же правило: да бываетъ единыя жены мужъ и ничего не говорить о пресвитерахъ. Между тѣмъ известно, что во времена апостоловъ названіе епископъ прилагалось въ смыслѣ духовнаго пастыря и къ пресвитерамъ, которыхъ при жизни апостоловъ для малыхъ христіанскихъ общинъ требовалось несравненно большее количество, чѣмъ дѣйствительныхъ епископовъ. Тотъ же апостолъ въ первой главѣ посланія къ Титу, дѣлая наставленіе когдѣ онъ долженъ ставить въ пресвитеры, указываетъ и качества ихъ: пресвитеръ долженъ быть непороченъ, единыя жены мужъ (ст. 6) и вслѣдъ за тѣмъ приводитъ и причину этого: „ибо епископъ долженъ быть непороченъ и пр. (ст. 7)“ а что онъ называется здѣсь епископами и пресвитеровъ, а не на оборотъ видно изъ предыдущихъ словъ апостола; сего ради оставихъ тя въ Критѣ, да устроиши оное въ мѣстахъ градахъ пресвитеры“ (ст. 5) Титъ, какъ епископъ, не имѣлъ полномочій одинъ рукополагать епископовъ, ибо это было обязанностью самихъ апостоловъ, или же собора епископовъ. Въ посланіи апостола Павла къ Тимоѳею идетъ рѣчь объ отношеніи его къ подчиненнымъ ему пресвитерамъ, а не епископамъ (I. Тим. V. 17, 19 и 22), а такъ какъ въ г. Ефесѣ дѣл епископомъ былъ Тимоѳей, другихъ епископовъ не было, да и правила того не позволяли, а были одни пресвитеры, то и требованіе апостола: „подобаетъ епископу быти единыя жены мужу“ съ большою основательностью должно отнести къ пресвитерамъ, а не къ епископамъ въ томъ значеніи этого слова, какъ оно понимается у насъ. Такимъ образомъ указанная слова апостола

Павла никакимъ образомъ не могутъ служить тѣми данными на основаніи которыхъ должно сдѣлать заключеніе о необходимости супружества для епископовъ.

Извѣстныя апостольскія правила, представляющія собою сводъ преданій и обычаевъ древней церкви, ведущихъ свое начало отъ временъ апостольскихъ упоминаютъ о супружествѣ епископовъ. Въ правилѣ 5-мъ сказано: „епископъ или пресвитеръ, или діаконъ, да не изгонитъ жены своея подъ видомъ благоговѣнія“. Изъ правила видно, что епископамъ дозволялась брачная жизнь; во вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и то, что мысль о несомвѣстности священнаго сана съ супружествомъ начала сильно проникать въ церковь; въ самое духовенство всѣхъ трехъ степеней; но только прилагалась въ жизни неправильно: духовныя лица изгоняли женъ или по дѣйствительному религиозному чувству, или же только употребляя видъ благочестія. Слѣды аскетическаго направленія, какъ подготовительной ступени монашества замѣчаются уже въ первые вѣка—на ранней зарѣ христіанства. Въ первенствующей церкви существовалъ особый, хотя и малочисленный классъ вѣрующихъ обоего пола аскетовъ и дѣвственницъ. Они живутъ среди общества, добровольно отказываются отъ брака и собственности и проводятъ время въ постѣ и молитвѣ. Христіанство въ образъ жизни усилеио стремилось къ обособленію себя во всѣхъ отношеніяхъ отъ развращеннаго языческаго міра. Нѣкоторые изъ представителей церкви ревностно поддерживали это направленіе жизни и такимъ образомъ зарождалось зерно монашества. „Пастырь“—Ерма (2 в.) различаетъ нравственность высшую и низшую, послѣдней должны слѣдовать всѣ, въ то время какъ первая составляетъ удѣлъ избранныхъ натуръ. Климентъ Александрійскій требуетъ отъ христіанскаго мудреца не только глубины религіознаго знанія, но еще и полнаго господства надъ чувственной природой. Ученикъ его Оригенъ идетъ еще далѣе. „Кто дѣлаетъ только то, что повелѣно, тотъ есть еще неключимый рабъ, но кто дѣлаетъ болѣе, только тотъ называется вѣрнымъ и добрымъ рабомъ“. Писатель 3-го вѣка Праксъ аскетическое направленіе жизни считаетъ единственнымъ отличительнымъ признакомъ новозавѣтнаго домостроительства отъ ветхозавѣтнаго. „Что принесло новаго—спрашиваетъ онъ—ученіе Единого роднаго? Какое новое благо даровало оно чело-

вѣчеству? О страхѣ Божиемъ, о зависти, о корыстолюбии уже говорить и ветхій завѣтъ. Что новаго остается, какъ не введеніе безбрачій жизни? Чрезвычайная важность безбрачія для христіанина съ особой ревностію проповѣдывалась отцами церкви еще до монашества. Такъ св. Густавъ въ первой апологіи особенно подчеркиваетъ предъ язычниками наличность между старцами и старичами такъихъ, которые во всю свою жизнь сохранили дѣвственность; онъ убѣжденный сторонникъ какъ можно большаго распространенія дѣломудрія между вѣрующими, причѣмъ въ защиту своихъ положеній приводитъ замѣчательный аргументъ, „что Христосъ, потому и родился отъ Дѣвы, что бы положить предѣлъ для чувственной похоти“. Другой апологетъ Аѳинагоръ такой же ревностный защитникъ безбрачія: „у насъ, говоритъ онъ, можно найти многихъ, которые состарились, оставаясь безбрачными, въ надеждѣ, что они тѣснѣе соединятся съ Богомъ“. Оригенъ настолько высоко ставилъ безбрачіе, что не остановился предъ оскопленіемъ себя еще въ ранней молодости. На основаніи Св. Писанія доказывалась необходимость для вѣрующихъ безбрачій жизни. (Иракль). Пслѣдній доказывалъ, что бракъ апостоломъ Павломъ дозволенъ вѣрнымъ только по немощи ихъ природы, въ самомъ же дѣлѣ ап. Павелъ проповѣдникъ безбрачія. Для подтвержденія своей мысли Иракль пользуется притчею Спасителя о 10 дѣвахъ, заключая, что только безбрачные и наследуютъ Царствіе Божіе. Разсужденія отцовъ и учителей Церкви въ духѣ аскетизма сильно дѣйствовали на религиозно настроенное общество христіанъ, тѣмъ болѣе, что оно въ силу стремленій какъ можно болѣе отдѣлиться отъ языческаго міра и само было склонно къ идеямъ подобнаго рода. Идеи безбрачія нашли для себя благодарнѣйшую почву и среди священноначалія первенствующей Церкви, конечнымъ слѣдствіемъ чего и явилась неразумная ревность — *самостоятельное изнаніе жены епископами, пресвитерами и диаконами подъ видомъ благочестія истиннаго и мнимаго, чего, конечно, Церковь не могла допустить.* И вотъ, явилось узаконеніе: „епископъ, или пресвитеръ, или диаконъ да не изгонитъ жену своєю подъ видомъ благочестія“. Однакожь это правило ничего не говоритъ противъ безбрачія духовенства равно какъ и о разлученіи бывшихъ въ супружествѣ духовныхъ лицъ, разъ разлученіе это произошло во имя религиозныхъ побужденій *во взаимному созиданію*

и заинтересованныхъ сторонъ. Мысль о безбрачій высшихъ степеней священства находить для себя подтвержденіе и въ слѣдующихъ апостольскихъ правилахъ. Въ 26 правилѣ сказано: „повѣствуемъ, да изъ вступившихъ въ клиръ безбрачными, желающіе вступаютъ въ бракъ однимъ токмо чтецы и пѣвцы“. Изъ этого правила видно, что первенствующая Церковь въ клирѣ принимала безразлично всѣхъ какъ женатыхъ, такъ и безбрачныхъ и что изъ вступившихъ въ клиръ бракъ дозволялся только чтецамъ и пѣвцамъ. Что же касается степеней священства, то таковымъ бракъ не дозволялся во все время ихъ состоянія въ священномъ санѣ. Въ приведенномъ правилѣ особенно важно то, что бракъ не считается чѣмъ то важнымъ и полезнымъ для священства и допускается только до рукоположенія во священную степень, но не послѣ рукоположенія, когда самъ представляется уже препятствіемъ къ браку. Слѣдовательно не санъ соединяется съ супружествомъ а супружество подчиняется сану и чѣмъ выше санъ, тѣмъ ниже его супружество. Здѣсь уже кроется зародышъ безбрачія архіерейства. Поэтому въ сборникѣ преданій апостольской Церкви Климентъ римскаго и сказано: „епископу хорошо быть безбрачнымъ; если же не такъ; по крайней мѣрѣ быть изъ единобрачныхъ“. *и* 40-е правило апостольское гласитъ: „яко извѣстно да будетъ собственное имѣніе епископа, и яко извѣстно Господне: дабы епископъ, умирая, имѣлъ власть оставить собственное, кому хошетъ, и какъ хошетъ, дабы подъ видомъ церковнаго не было растрачено имѣніе епископа, *имѣющаго иногда жену и дѣтей.*“ *уд. во воемъ видѣнн*

Слова „имѣющаго иногда жену и дѣтей“ не только не могутъ служить доказательствомъ въ пользу необходимости супружества для епископовъ, а скорѣе, наоборотъ, подтверждаютъ мысль о распространеніи celibата среди епископовъ, такъ какъ понятіе „иногда“ указываетъ на рѣдкую повторимость явленій, исключительность ихъ. *и*

Наконецъ 51 апостольское правило говоритъ: „аще кто, епископъ, или пресвитеръ, или диаконъ удаляется отъ брака не ради подвига воздержанія, но по причинѣ гнущенія или да исправится, или да будетъ изверженъ отъ Церкви“. Очевидно этимъ правиломъ Церковь съ одной стороны подъ угрозою строгой кары воспрещаетъ удаляться брака по причинѣ гнущенія имъ; съ другой одобряетъ это „удаленіе, разъ

совершается (но ради аскетического подвига целомудрия и дѣтства). Правило «это служить важным историческим доказательством» того, что въ первенствующей Церкви столь было сильно стремление къ безбрачной жизни, что его въ строго-законныхъ рамкахъ должно было едерживать особыми правилами.

Такимъ образомъ привведенныя апостольскія правила, допуская по бвѣднн супружества священства, фактически духомъ своимъ и направлениемъ говорить болѣе за безбрачнѣ. Дѣйствительно мысль о безбрачнн священства во 2 вѣкѣ такъ была сильна, что одно время господствовало серьезная тенденція объ обязательности безбрачнн для всего клира. Особенно настаивали на этомъ критскіе епископы, которымъ по этому поводу и писалъ Діонисій епископъ Коринтскій, убѣждая не свѣшнть, въ виду немощи многихъ, введеніемъ въ жизнь этой мѣры. Съ доводами Діонисія епископы Крита согласились, но все-таки въ отвѣтъ своемъ поставили ему на видъ, что должны же клирики питаться болѣе «совершеннымъ учениемъ», дабы жить за сладкой пищи ученія, не состарившись въ дѣтской жизни. Историки первыхъ трехъ вѣковъ свидѣлствуютъ, что въ тѣ времена особымъ расположеніемъ въ рукахъ пользовались тѣ изъ пастырей, которые проводили не просто жизнь безбрачную, а строго при томъ отшельническую. Въ чемъ же причина этого? Какимъ образомъ могла повойтнся самая мысль о необходимости безбрачнн не только для епископовъ, а и всего клира? Причина этого кроется въ самой идеальной чистотѣ и высотѣ христанской жизни, имѣющей въ основѣ своей духъ евангельскаго ученія. Этотъ духъ, всенѣдо, стремится отвлечь челоѣка отъ міра, земли и плоти, взаиьмъ этого возвышаетъ его къ небу, горнему Иерусалиму и Богу, по этому и предпочитаетъ безбрачнѣ супружеству, которое, налагающъ тяжкія земныя цѣпи на челоѣка. Нежелая говорить апостолъ Павель заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу; а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ; при этомъ и бракъ не уничтожается. Церковь, какъ носительница идеаловъ евангельскаго духа, и отъ пастырей — представителей Церкви требуетъ прежде всего, что бы и они въ жизни своей воплощали чистоту евангельскихъ стремленій. Поэтому то и Церковь, хотя и пологательно и не требовала безбрачнн епископовъ, но составила себѣ идеаль епископа съ присушей ему чистотой — целомудріемъ. Твердое ос-

нованіе для такого идеала находимъ и въ ученіи апостоловъ. «Хорошо челоѣку, поставленъ апостолъ Павель — не касаться женщины» (1 стихъ) «безбрачнымъ же и вдовамъ говорю, хорошо имъ оставаться, какъ я» (ст. 8), «ибо желаю, что бы все люди были, какъ и я», время уже коротко, такъ что имѣющая жизнь должна быть какъ не имѣющая» (ст. 29) «говорю это для вашей же пользы, что бы вы благочинно и непрестанно служили Господу безъ развлеченія» (ст. 35) «посему выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ хорошо; а не выдающій аступаетъ лучше» (38 ст.) (1 Коринѣ. VII). Все эти наставленія апостола о чемъ иномъ говорятъ, какъ не о томъ, что безбрачнѣ и дѣтство должно стоять несравненно выше супружества и это въ мірской жизни христанъ. Естественно, что въ пастыряхъ церкви, какъ въ учителяхъ въры первенствующая Церковь желала видѣть точное отображеніе этихъ предложеній апостола и дѣйствительно только немощь челоѣческой природы воспринятывала Церкви на первыхъ же порахъ «осуществить» господствующую мысль объ обязательности безбрачнн для всего клира. Однако въ ней такъ было сильно стремленіе къ чистотѣ священнаго сана, что и добровольно безбрачнѣ священнослужителей обставлено было сурово: первенствующая Церковь запрещала безбрачному духовенству держать для обычныхъ домашнихъ услугъ въ своемъ домѣ женскія лица, кроме самыхъ близкихъ родственницъ, и строже всего требовала это отъ епископовъ. Такъ въ 3 в. на антиохійскомъ соборѣ былъ осужденъ епископъ Антиохій Павель, за то, что держалъ въ своемъ домѣ женскую прислугу и то же позволялъ подчиненному клиру, хотя и не было доказано, что онъ нарушилъ общецѣломудрія. Идея о безбрачнн епископовъ въ теченіи первыхъ трехъ вѣковъ христанской эры настолько прочно утвердилась въ сознаніи церковномъ, что уже въ самомъ началѣ IV вѣка церковныя правила, трактуя о супружествѣ клира, о всеѣмъ умалчиваютъ о бракѣ епископовъ. Такъ въ 10-е правило собора анкирскаго, первое неокесарійскаго, четвертое ганграскаго. Особенно вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ правило послѣдняго собора: «аще кто о пресвитерѣ, вступившемъ въ бракъ, разсуждаетъ, яко недостойнъ причащаться, когда таковой совершаетъ литургію; да будетъ подѣлтъво». Правило свидѣлствуетъ, что ревность върующнхъ о безбрачнн священныхъ лицъ столь далеко за-

шла за границы, одобряемого Церковью, что пресвитеров состоящих в супружестве считали даже недостойными совершать Божественную литургию. Что же касается епископов, то очевидно таковых, связанных брачными узами, в галльском округе совсем не было, иначе при таком строном отношении къ женатым пресвитерам, горше бы осуждене навлекъ на себя за свое супружество и епископы. По поводу этой общей для всей Церкви мысли об обязанности безбрачия для клира и имѣлъ суждене первый вселенскій соборъ именно, когда послѣдовадо предложение обратиться въ правило безбрачїе всѣхъ священнослужителей. Но нѣкоторые епископы, а особенно Пафнугій египетскій—самъ строгій подвижник и дѣвственникъ убѣдили соборъ не дѣлать этого,—не налагать на всѣхъ клириковъ тяжелого ига. Поэтому и соборъ по данному вопросу ограничился только слѣдующимъ правиломъ: «великій соборъ безъ извѣтїя полагать, что бы ни епископу, ни пресвитеру и вообще никому изъ находящихся въ клирѣ, не было позволено имѣть въ домѣ сожителствующахъ женъ, кромѣ матери, сестры или тѣхъ только лицъ, которыя чужды всякаго подозрѣнія» (пр. 3). Очевидно говорится только о безбрачныхъ членахъ клира. Это же запрещеніе встрѣчается и въ гражданскихъ римскихъ законахъ того времени. Объ обязанности о безбрачїа для епископовъ ни на этомъ соборѣ, ни въ продолженїи IV и V вѣковъ не было еще положительнаго правила, хотя на дѣлѣ мысль эта все болѣе и болѣе завоевывала—привлекала къ себѣ симпатїи общества. Уже на первомъ вселенскомъ соборѣ императоръ Константїнъ, прїивѣтствуя собравшихся членовъ, называетъ епископовъ «причастниками дѣвственной чистоты», что было бы крайней безтактностью, если бы большая часть епископовъ бывшихъ на соборѣ была бы связана супружескими узами. Святый Григорій Богословъ, по поводу избранїа на Кесарїйскую каедру св. Василїа Великаго пишетъ: «всякіе споры по этому поводу были неумѣстны; ибо извѣстно было, что преимущественно были достойны избранїа; каждый видѣлъ это ясно, всѣ лучше изъ гражданъ, всѣ принадлежаше къ клиру и наши назорей (т. е. монахи), на которыхъ по преимуществу должны падать такїя избранїа, и въ такомъ случаѣ Церковь не терпѣла бы зла. Ибо что изъ благомыслящихъ сталъ бы искать другаго, кромѣ Василїа, не связаннаго брачными узами, пустын-

ножителя безплотнаго и почти безкровнаго? Тотъ же св. Григорій въ словѣ своемъ о крещенїи дѣлаетъ указанїе на характерный фактъ его времени, что многіе медлили принимать таинства, даже крещенїе, желая прїять его отъ епископовъ и даже пресвитеровъ—только неженатыхъ. Св. Епифаній Кипрскій въ своемъ описанїи церковныхъ обычаевъ ясно опредѣляетъ и господствовавшїй взглядъ Церкви на безбрачїе священныхъ лицъ: «Священство, говоритъ онъ—состоитъ по большей части изъ дѣвственниковъ или монашествующихъ, а если бы не было способныхъ къ тому изъ монаховъ, то изъ воздерживающихся отъ женъ своихъ, или вдовствующихъ послѣ едиобрачїа». Онъ пишетъ: «кто живетъ въ бракѣ и еще рождаетъ дѣтей, тотъ, хотя бы и одной жены мужъ былъ, не иринимается Церковью въ епископа и священника, даже діакона и уподакона, но только воздержанїемъ отрекшїйся отъ жены или вдовѣвшїй, особенно тамъ, гдѣ строго соблюдаются церковныя каноны. Ты скажешь мнѣ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пресвитеры, діаконы и уподаконы еще рождаютъ дѣтей. Но это не по правиламъ, а только по разслабленїю, съ теченїемъ времени, мыслей человѣческихъ и по недостатку служителей, отъ множества (церквей). Что же касается самой Церкви, то она, всегда образжая наиболѣе приличное руководясь внушенїями Св. Духа, призвала нужнымъ заботиться, что бы служенїе Богу совершалось безъ отвлеченїа и духовныя требы исполнялись съ совѣтїемъ, совершенно умиренною; Священнику, діакону, епископу, ради внезапныхъ служенїй и требъ, нужно всегда быть свободными для Бога». Такой строгій взглядъ Церкви на супружество даже низшихъ степеней священства исключаетъ всякую возможность говорить о какой то обязательности брака для епископовъ, супружество которыхъ представляется какъ исключенїе и по снть характеръ снисхожденїа Церкви къ лицамъ, во всѣхъ другихъ отношенїяхъ вполне достойнымъ епископскаго сана, но немоиныхъ въ этомъ. Антїохійскій соборъ (341 г.) въ 24 пр., повторяя 40 апостольское правило уже не упоминаетъ о женѣ епископа. Въ 25 же дѣлаетъ постановленїе о содержанїи епископскихъ дѣтей, чѣмъ и даетъ понять, что епископы предъ поставленїемъ въ санъ разлучались навсегда съ своими женами, но вмѣстѣ съ тѣмъ принимали на себя обязанность заботиться, не прибѣгая къ помощи церковныхъ имуществъ, о своихъ се-

мейных. Тоже самое подтверждается и 48 пр. VI-го вселенского собора. Мысли и обычаи этого рода были присущи не одной только восточной Церкви, а были приняты и на Запад. Так в IV и V ввках определялись африканских соборов постоянно подтверждают, что епископы, и пресвитеры и диаконы, имющие жен, да воздерживаются от них и будут, яко не имющие, и только причетки къ тому не прилагаются. Западные соборы и римские папы распространяли целибат не только на епископов, но и на всѣх низших клириков, и наконец папа Григорій VII уже окончательно придал общераспространенной мысли о безбрачии всего клира непреложную силу закона.

(Продолжение следует)

III.

Славянская традиція въ славянскомъ обществѣ.

(Письмо въ редакцію „Россія“.)

Когда общественному дѣятелю нашихъ дней приходится подступать къ темъ, надъ которой значится слово „традиція“, онъ подходит къ вопросу съ нѣкоторымъ опасеніемъ, какъ-бы сразу не растерять симпатій своихъ слушателей. Въдѣ у насъ это слово почти запретное. Ему грозитъ охлаждение живыхъ людей его слушающихъ и ширеъ ему: въ такое время, когда всѣ жаждутъ освобождения отъ всѣхъ традицій, добрыхъ и злыхъ,—кто дерзнетъ высказаться противъ могучаго теченія? Кто посмеетъ замовить слово въ защиту того, что „традиціонно“, стало-быть отжило и не воскреснетъ и, въ лучшемъ случаѣ, отражаетъ въ себѣ понятія и нужды другихъ временъ,—угасшую жизнь давно минувшихъ дней?

Между тѣмъ, это настроеніе окружающей насъ волны людской, есть явленіе, съ государственной стороны, рѣшительно роковое.

Жизнь человека такъ коротка, что на однихъ его индивидуальныхъ страстяхъ и настроеніяхъ невозможно строить ни вѣрованій, ни учрежденій.

Тутъ—одинъ огонь, подобный вѣтромъ! А государственный строитель говоритъ: давайте камень. Безъ камня нѣтъ строения. Этотъ камень—его вы не найдете въ краткихъ предѣлахъ—жизненнаго поприща одного поколѣнія. Тутъ нужна прочная, осмысленная связь минувшаго съ будущими вѣками, связь проходящая черезъ головы современниковъ, а такая связь—историческая и духовная всенародная традиція.

Мы переживаемъ сейчасъ знаменательную эпоху на мой взглядъ гораздо болѣе знаменательную нежели то движеніе, которое было названо: „освободительнымъ“, и которое началось гораздо раньше государ-

ственного кризиса послѣдняго пятилѣтія! Этотъ нѣдѣ значительный моментъ въ русской исторіи сводится къ тому, что русские люди, поднимающіеся какъ морской приливъ, грозный и неустойчивый, къ реставраціи русскаго государственнаго патриотизма и національнаго сознанія,—именно теперь суть люди искушавшіеся. Они пережили папу революцію, или вѣрнѣе: всенародную смуту. Многие ео увлеклись и въ ней видѣли обѣтованную землю; но въ ней населеніе разодралось и теперь ищетъ другихъ горизонтовъ.

Русская душа, вѣчно алчущая вѣры, душа народа молодого, еще не изжившагося, требуетъ новой пищи, ищетъ идеаловъ, ждетъ не изомгавшихся вождей!

Когда люди подступаютъ съ такими требованіями, отвѣдать уже плодовъ „древа познанія добра и зла“, мы сознаемъ, что отъ такихъ людей, обращающихся къ возрожденію національнаго чувства, выйдетъ толкъ—гораздо болѣе, нежели можно было ждаты отъ прежняго массоваго консерватизма, который мы въ праѣ были заподозрѣть въ непрочности чувства, коренищагося въ неиспытанности и неизвѣдланности, душами дѣвственниковъ, всѣхъ предестей и соблазновъ невѣдомаго міра.

Но вотъ, созерцающая постепенную эволюцію нашего возрождающагося русскаго национализма, меня беретъ страхъ: стоятъ-ли его вожди на высотѣ торжественной минуты? Понимаютъ-ли тѣ дѣятели, кружки и общества, которые ратуютъ подъ флагомъ монархизма и ведутъ русскую „Вандею“,—что нѣтъ прочнаго залога для русскаго национализма—въ тѣснаго единенія возрождающагося русскаго народнаго чувства съ сознаниемъ славянскаго взаимства?

Хотѣлось-бы вѣрить, что они это поймутъ. Однако, есть показанія и на обратную возможность. Мы были свидѣтелями и такихъ проявленій, когда было провозглашено съ каведры, со стороны нѣкоторыхъ дѣятелей русской контръ-революціи, что они не вѣрятъ славянскому міру и готовы итти рука объ руку со всякимъ реакціоннымъ государственнымъ проявленіемъ хотя-бы оно было враждебно славянству.

Тутъ лежитъ глубокое недоразумѣніе. Изъ рядовъ нашего славянскаго общества всегда раздавался предостерегающій голосъ. Дай Богъ, дай судьбѣ русскаго консерватизма, чтобы нашимъ голосомъ не пришлось сыграть роль той руки, которая начертала огненную, таинственную слова — на стѣнѣ чертова Вальтасарова пира!

Отнять оружіе изъ рукъ тѣхъ нелюбокихъ противниковъ нашихъ, которые не измѣрили строительнаго значенія нашей славянской традиціи и склонны опастся ея возможнаго мирволена теченіямъ революціоннаго времени, вотъ ближайшая цѣль, которой я стараюсь достигнуть, бесѣдуя нинѣ съ вами.

Но тутъ мы сталкиваемся сразу съ явленіемъ, которое скажетъ, обратнаго характера. За послѣднее время, много было разговора—и въ собраніяхъ и въ печати о томъ, что единеніе славянства достижимо и желательно, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы какъ можно рѣшительнѣе порвать съ традиціями на-

*) Настоящее письмо излагаетъ рѣчь, произнесенную А. А. Вильямовичемъ, 11-го мая 1908 года, на торжественномъ годовомъ собраніи С.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества.

шего славянофильства. Нужно-де построить новое, широко-вещательное здание обновленного духовного единения съ славянами, которые только тогда вбуруют окончательно въ Россію, когда къ нимъ навстрѣчу пойдетъ другая, болѣе либеральная Россія, омытая отъ старыхъ грѣховъ ея обществѣнныхъ недуговъ, Россія прогрессивная и даже чуть-чуть радикальная, Россія истоптавшая подъ копытами своихъ горячихъ копей—обшталая знамена: „Православія—Самодержавія и Народности“.

Въ воздухѣ русской жизни несомнѣнно складывается обликъ „краснаго славянофильства“.

Пока-что, это явленіе выступаетъ еще въ робкихъ формахъ, въ межубочной стѣнѣ „кадетскаго славянофильства“. Но я не вижу причины, почему бы этому движенію застрять на первой ступени?

Надо полагать, что не за горами возникновеніе другихъ формъ въ ближайшемъ родствѣ съ нашими „трудовиками“; могутъ даже возникнуть самыя разнovidныя образованія славянофильствующаго стиля, но въ пѣдрахъ несомнѣннаго социалъ-демократическаго лагера.

Для васъ, здѣсь собравшихся, конечно существенный интересъ представляетъ прежде всего вопросъ о томъ, какъ намѣрено отнестись къ этому явленію наше славянское общество, т. е. та среда, въ которой непрерывно держалась, какъ-бы своего рода рукоположеніемъ, прочная и знаменитая традиція, идущая отъ основателей славянофильства: А. С. Хомякова, братьевъ К. С. и П. С. Аксаковыхъ, Ю. Ф. Самарина: то общество, вѣса дѣятельность котораго—красною нитью прошла черезъ исторію развитія взаимно-отношеній между Россією и славянствомъ, за цѣлое столѣтіе?

Прежде всего, въ развѣтвѣ и заревѣ славянскихъ симпатій далеко за предѣлами тѣхъ обществѣнныхъ круговъ, въ которыхъ до сихъ поръ заботились о славянствѣ, мы не можемъ не приветствовать роста именно того дѣла, надъ которымъ трудились, уже полстолѣтія, наше общество.

Мы такъ привыкли видѣть высокомерно-независимое отношеніе ко всему тому, что намъ дорого и чему мы посвящали свою жизнь; насъ такъ приучила русская дѣятельность—встрѣчать холодуноу иронію тамъ, гдѣ хотѣлось бы слышать звуки гуслей-струнчатыхъ и гимны неудержимо творческой любви, что неожиданное обращеніе именно враждебныхъ славянской идѣе круговъ къ внезапному попороту и культивированію славянской взаимности, можетъ насъ только порадовать.

Кромѣ того, мы видимъ тутъ признакъ иного времени.

Настала, наконецъ, минута, когда почувствовали и даши противники славянской идеи, что безъ нея жить нельзя; что—по крайней мѣрѣ—безъ нея не можетъ быть создано въ Россіи прочное политическое вліяніе, и что эта истина все болѣе колетъ глаза, по мѣрѣ того, какъ существуетъ впередъ демократизація самаго склада нашей государственной жизни.

До сихъ поръ, демократъ долженъ былъ обязательно пѣть по иноземному либретто, а рука, ведущая

смычокъ по струнамъ,—была обыкновенно еврейская рука; книжность надолго облѣпила собою это движеніе жизни, такъ что Россія—пожалуй, единственная страна въ мѣрѣ, гдѣ стремленіе къ болѣе народной общественности привело къ антинародному уенуому жаргону.

Но безконечно это длиться не можетъ, какія бы уродливости ни были присущи странному развитію русской интеллигенціи. Раню или поздно, кто ищетъ народъ, даже кривыми путями, тотъ и находитъ народъ. И вотъ, приближеніе къ этой стомилионной массѣ должно было, рано или поздно, дать нашимъ интеллигентамъ, даже проитанымъ, туманными теоріями радикализма, то живое славянское чувство, первое пробужденіе коего мы теперь замѣчаемъ среди „западниковъ“ и вчерашнихъ „нигилистовъ“.

Повторяю, какъ признакъ торжества славянской реальности и русской жизни—мы приветствуемъ это явленіе.

Спрашивается, однако, почему понадобились это первое приближеніе къ нашей купели обличъ въ боевую форму?

Каждый шагъ въ этомъ направленіи—какъ бы исполняется очистительной жертвой передъ невидимымъ божествомъ,—закланіемъ кому-то ненавистнаго славянскаго общества, словно эти неоситы съ того берега нуждаются въ прощеніи за дерзавшіи ими доверотъ.

Изумляешься, читая недавнія полемки, какимъ образомъ наши новообращенные «неославянофилы» съобразятъ своимъ священнымъ долгомъ метать камни въ нашъ огородъ даже тогда, когда они, повторяютъ, какъ гуманную новостъ, такія положенія, которыя цѣлыми поколѣніями отстаивались именно въ путяхъ нашей традиціи.

Невольно, наталкиваясь на эти странности, напрашивается вопросъ: „да знаете-ли вы, господа, въ чемъ состоитъ наша традиція? Вы цѣпляетесь за отдѣльныя формулы и слова, но живой традиціи вы не знаете. Гдѣ было вамъ ее знать, когда эти предметы считались, не далѣе какъ вчера, поэмьшимъ въ вашихъ рядахъ? А ваше новообращеніе—событіе столь недавнее, что вы вдуматься не успѣли!“.

У насъ есть, скрижали, на нихъ начертана наша традиція ярче и яснѣе, нежели въ отдаленныхъ формулахъ, какія пишутся на стѣгахъ.

Нѣтъ той долговѣчной религіи, которая не имѣла бы, въ корнѣ,—своего Мессіи.

Нѣтъ того политическаго вѣрованія и ученія, которое не имѣло бы, въ началѣ, своего вѣщаго поэта.

Русскій гаймъ проходитъ понурными гнѣдъ ученыхъ теоретиковъ этого прихода: они все възвѣсятъ, размѣрятъ, уквѣтятъ; но не имъ принадлежить то таинство, когда гений родитъ чадо во знанъ свѣта.

Это дѣло поэта. Онъ есть тотъ невольный, инстинктивный собиратель развитой по всему народу духовной силы. Онъ ее кристаллизуетъ какими-то чудными алмазами, изъ которыхъ потомъ долго исходить бланіе.

У насъ есть такіе алмазы. Они у васъ, у всѣхъ

в памяти и на устах. Если же я позволю себя обременить вас цитатами, то лишь для того, чтобы вы сейчас почувствовали, сколько скрытого теней в музее А. С. Хомякова, сколько пророчества, вперед за целое поколенье предугадывающего события, сколько уложено здесь тонких черт, из коих складываются все главные элементы нашей традиции.

Вспомним „Орель“ (1832 г.) А. С. Хомякова:

Высоко ты грядою поставил,
Славян полудночных Орель,
Широко крылья ты расправил,
Глубоко въ небо ты ушел!

Лети; но въ горнемъ моръ свѣта,
Гдѣ силой дышащагъ трудъ
Разгуломъ волности сорбѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!

И ждуть окованные братья—

Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объята,
Прострешь надъ слабой ихъ главой?..

О, вспомни ихъ, Орель полночь!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!

Питай ихъ пищей силъ духовныхъ.
Питай надеждою лучшихъ дней,
И кладь сердецъ одинокованныхъ
Любовью жаркою сорбѣй!

Сомнивался, чтобы „неославянофильство“ могло подняться до такой высоты; потому что оно заражено душевным холодомъ космополита и, лишь случайно, какъ-бы свихнулось на путь чужой ему и не выстраданной всемъ сердцемъ—славянской идеи.

Это новое течение есть плодъ нашего времени, когда измелъчали движения души, и самый народъ какъ-будто сталъ колебаться: принять или не принять на себяברה великихъ историческихъ задачъ.

— „Орель“ появился въ другое время, именно черезъ 4 года послѣ Адрианопольскаго мира, наканунѣ заключенія конвенции о проливѣхъ при Хонкиаръ-Искелеси. То былъ моментъ высшаго достиженія—для нашихъ вѣковыхъ усилий къ обладанью проливами и осуществленія нашего протектората надъ православными христианами Османской империи.

Вотъ именно въ эту торжественную минуту славянской истории совершилось зачатіе „Орла“. А мы все потомъ вышли, какъ духовное потомство, изъ этого „Орла“. Мы это чувствуемъ въ собственныхъ жилахъ. Мы любимъ эту силу, и позволяемъ намъ ею гордиться!

Желать-бы я, передъ тѣмъ, какъ уврѣовать въ жизненную мочь нашихъ противниковъ, чтобы они намъ указали своего „Орла“.

Они вамъ его не укажутъ, ибо исходная ихъ точка, какъ всемъ ученіямъ нашего времени—прежде всего отрицаніе. А изъ отрицанія въ ни оды не слѣдуетъ, ни музыки не наладите.

Они отрицаютъ, какову-бы то ни было общность

съ славянскимъ обществомъ, потому что на него смотрятъ съ высоты „освободительнаго движенія“, и неоднократно ими было провозглашаемо, что въ нашихъ рядахъ царитъ нетерпимость только потому, что мы не забываемъ православнаго элемента въ русской культурѣ; мы-де не способны оторваться отъ грѣховъ блудного въ русской жизни и идти къ ей высшему обновленію, потому что жизненный опытъ уврѣилъ насъ въ томъ, что самодержавіе не есть тиранія, а живое начало въ русской политикѣ.

Лучшимъ отвѣтомъ и на эти упреки—да послужитъ глубокая, по мысли и чувству, ода А. С. Хомякова, написанная имъ наканунѣ Крымской компаніи и обращенная къ Россіи (1854 г.). Вотъ она:

Тебя призывалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбить,
Тебѣ далъ силу роковую,

Да окрупишь ты волю злую
Сатѣишь, безумныхъ, дикихъ силъ,
Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебѣ зоветъ.

Но помни: быть орудіемъ Бога
Земнымъ созданнымъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судить строго—
А на тебя, увы! такъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегало!

Въ судахъ черна неправдой черной
И вгломъ рабства клеймена;
Безбожною лести, лжи глаторной,
И лжи мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Въ доловоротъ политической борьбы мы видимъ явленіе общденое: уста говорить одно, а на умъ другое.

Нѣтъ той области человѣческой дѣятельности, гдѣ-бы такъ безперервно царила мода инокаательности, какъ именно въ практической политикѣ

Такъ и въ данномъ случаѣ. Не важно, что въ эпоху страшнѣйшей партійности, обвиненіе въ „нетерпимости“ пало на Славянское общество, всегда придерживавшееся традиціи самой широкой терпимости; нѣтъ, это не важно.

Здѣсь существуето лишь то, что выступать на сцену неопиты, которые—не подышавъ еще воздухомъ славянской дѣятельности, сразу отвергаютъ всякое значеніе такихъ факторовъ, въ ростѣ славянскаго міра, какъ православіе и самодержавная власть русскихъ царей.

Не мѣсто и не время—здѣсь, сейчасъ братья за исчерпавшій анализъ того огромнаго значенія, которое имѣютъ эти факторы. Будетъ съ насъ и того, если мы лишь заявимъ, далеко наше Славянское общество отъ стремленія къ апостолству и политическому прозелитизму. Мы не открещиваемся отъ того, что 100 миліоновъ русскихъ людей принадлежатъ православію, вмѣстѣ съ громаднымъ большинствомъ зарубежныхъ славянъ. Но мы съ такою-же любовью и живымъ чувствомъ пламенной солидарности идемъ навстрѣчу всемъ неправославнымъ славянамъ.

Мы вовсе не желаемъ ихъ окрестить въ правосла-

вие. Но мы сознаем, да и они это знают, что в тот день, когда мы, русские—рѣшились-бы покориться востану римскаго папы, дни были-бы сочтены всему славянству, въ томъ числѣ и католическому.

Мы вовсе не стремимся насадить въ каждой славянской странѣ по маленькому самодержавному царьку; да и не желаемъ превратить славянскія земли въ русскія губернии.

Но мы знаемъ, что съ исчезновеніемъ роли Россіи во всемірной исторіи—а роль эта держится идеєю Царя—славянскія стихія быстро подпадутъ, какъ удобнѣйшій матеріалъ (сals Dingersstoff)—въ строительную экономію другихъ, болѣе крѣпко сложившихся расъ.

Позвольте теперь высказать, ко всему изложенному, мое заключеніе.

Наше время—есть время быстрой постановки практической стороны каждаго вопроса.

Среди насъ, въ эти дни, будутъ пребывать, воспринимая петербургскія впечатлѣнія—именитые славянскіе гости, политическіе дѣятели въ Австріи.

Будемъ надѣяться всею душою, что они вынесутъ общее впечатлѣніе, что въ Россіи идея славянскаго единенія не забыта, и что она все болѣе крѣпнеть.

Конечно, наши домашніе счеты и сдѣленіе русскихъ политическихъ партій—должны оставаться далеко отъ нихъ. Это ихъ не касается. Но одинъ вопросъ несомнѣнно долженъ ихъ интересовать. Безъ опредѣленнаго на него отвѣта они не уйдутъ.

Когда будутъ они тамъ, на родныхъ мѣстахъ, этотъ вопросъ поставятъ имъ, съ трепетомъ ожиданія, ихъ-же сородичи. Ихъ спросить: неужели все теперь въ Россіи забыто, чѣмъ вдохновлялась муза А. С. Хомякова, гремѣло слово И. С. Аксакова, надъ чѣмъ глубокую думу думать Ю. Ф. Самаринъ?

Неужто все на свѣтѣ есть, дѣло моды, а правда всегда послѣдняя мода?

Пусть отвѣтъ на этотъ вопросъ унесетъ наши славянскіе гости изъ этого засѣданія.

Онъ долженъ быть кратокъ. Онъ долженъ мѣтко отвѣчать на запросы боевого времени. Вотъ нашъ отвѣтъ славянамъ.

Знаменъ не создаемъ!

А. А. Башмаковъ.

III.

Думы пастыря—по поводу статьи діакона Балановскаго «Какъ обезпечить духовенство?» (Вирж. Вѣдом.)

Для всякаго безпристрастнаго читателя, вслѣдствіемъ становится, какъ часто и совершенно неосновательно мнѣются настроенія и воззрѣнія людей. Что сегодня раздѣлялось, то завтра идетъ на сармаку. Такое непостоянство переживаетъ вопросъ объ обезпеченіи духовенства господствующей Православной на Руси церкви.

Безпринципность въ разрѣшеніи этого вопроса на страницахъ либеральныхъ газетъ бросается въ глаза: то, съ одной стороны, проводится взглядъ на обезпеченіе духовенства казеннымъ содержаніемъ, то, съ дру-

гой стороны, отрицается всякое участіе въ этомъ случаѣ казны. Строго опредѣленной точки зрѣнія, съ твердостью проводимой безъ уклоненія «съмо и овамо», не существуетъ, хотя самое появленіе въ газетахъ вопроса говорить о ненормальности обезпеченія духовенства въ настоящее время.

И само духовенство, и пасомые сознаютъ, что такъ или иначе дѣло это оставить нельзя,—что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ,—что существующій способъ обезпеченія духовенства служить зерномъ раздора между пастыремъ и пасомыми, и источникъ, изъ котораго черпаютъ грязь не только пасомые, но и члены духовенства, какъ сдѣлать до о. Балановскаго. (Вирж. Вѣд. № 29).

Отчего-же зависитъ такая неустойчивость въ такомъ опредѣленномъ предметѣ? Разъ существуетъ извѣстный штатъ людей, исполняющихъ неотложную для пасомыхъ нужды, итерница въ большинствѣ случаевъ откладываетъ исполненіе ихъ въ дальній ящикъ, и требующія вълѣдствіе этого постоянного бодствования, труда, готовности въ каждую минуту отклика на предъявляемые требованія, необходимо обезпечить таковой, памятуя, что трудъ долженъ быть оплаченъ, что время, говоря мирскимъ языкомъ, деньги! А существуетъ онъ вотъ уже двадцатое столѣтіе,—со времени Самого Христа Спасителя, избравшаго Св. Апостоловъ, а въ лицѣ ихъ и всѣхъ пастырей, на дѣло ученія, священнодѣйствования и управленія пасомыхъ, вѣнчивъ послѣднимъ заботу о матеріальномъ обезпеченіи перыхъ, ибо трудящійся достоинъ пропитанія*. Поелѣдству сему и Св. Ап. Павелъ пишетъ: «если мы посѣли въ васъ духовное, велико ли то, если пожнемъ отъ васъ тѣлесное?» Необходимость и обязанность пасомыхъ въ отношеніи обезпеченія своихъ пастырей настолько общезвѣстны и обязательны, что не требуютъ никакихъ доказательствъ съ точки зрѣнія, конечно, истиннаго христіанія. Такъ оно и было до сего времени. Пастыри довольствовались «доброхотными даяніями», бывшими таковыми въ отдѣленномъ только прошломъ столѣтіи.

Что касается времени настоящаго, то это совсѣмъ другое дѣло. Исполненіе пастырскихъ обязанностей, повторю, требуетъ съ стороны пастыря не только постоянного бодствования, но и отрпшенія отъ всѣхъ другихъ мирскихъ заботъ и занятій, такъ или иначе могущихъ подпорить его земное существованіе, тѣмъ болѣе, что на счетъ его живеть дѣлѣя, въ большинствѣ случаевъ не малая, семья. Только при увѣренности, что исполненіе духовное, онъ поженъ тѣлесное, пастырь и можетъ отрѣшиться отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ. Въ настоящее время этой увѣренности у пастыря нѣтъ и не можетъ быть при всемъ его усердіи, такъ какъ «доброхотныя даянія» превратились для пасомыхъ по ихъ же словамъ, какъ перѣдко читаетъ въ газетахъ, въ тяжелое для нихъ ярмо и не вслѣдствіе непомѣрности, а потому, что все можетъ быть испорчено въ рукахъ человѣка. Прежде эти «даянія» были плодомъ искренней любви вѣрующихъ къ пастырямъ, въ желаніи послужить предмету обезпеченія ихъ не знавшихъ границъ своего усердія. Нынѣ этотъ залогъ любви превращенъ въ рукахъ человѣка въ предметъ

ненависти и нареканій. Вотъ гдѣ корень зла,—вотъ гдѣ объяненіе шатанія этого большого вопроса—въ осудившіи вѣры, а сгдѣдовательно и любви среди современнаго человѣчества,—вотъ гдѣ корень двойственности при рѣшеніи вопроса объ обезпеченіи духовенства. Сказать о ненужности духовенства страшно и невозможно, такъ какъ при всей беззабѣчивости и лѣннѣи совѣсть говорить противно, хотя въ такихъ случаяхъ и сквозитъ желаніе вычеркнуть духовенство изъ книги жизни,—но сдѣлать это не такъ-то легко,—это значито бы, вычеркнуть изъ исторіи цѣлыхъ девятнадцать вѣковъ! Сказать, съ другой стороны, что необходимо обезпечить духовенство въ мѣрѣ достаточной для воспитанія его семьи, тоже рискованно, ибо навѣсчезъ на себя опасность гнѣва со стороны либераловъ. Получается какое то лавированіе между Циццой и Харидой,—а въ результатѣ... существованіе „безъ всякихъ средствъ существованія“ или что тоже о опытѣ питанія „просто воздухомъ, ибо кто же не знаетъ теперь, говоря по совѣсти, того нравственно-тяжелого и материально скучнаго положенія духовенства! ~~какъ въ иероіогіи мѣждѣ~~ ~~новѣ~~ Вѣдь не ради „краснаго слова“ въ газетахъ мы читаемъ резолюцію одного Епископа, въ коей оиъ свѣдѣтельству о уменьшеніи доходности духовенства, совѣтъ послѣдному „урѣзать“ питаніе и одѣяніе дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ. До „рысаковъ ли и фазановъ“ нынѣ, о, діаконъ, когда приходится лишать дѣтей своихъ хорошаго питанія, такъ необходимаго въ періодъ роста и развитія! ~~иногда въ иероіогіи мѣждѣ~~ ~~новѣ~~ Или такое объявленіе: „съ священникомъ оі Кухаренко случился ударъ“—у большого „жена и шесть человѣкъ дѣтей“, безъ всякихъ средствъ существованія. Надо помочь. (Колоколъ 511). ~~иногда въ иероіогіи мѣждѣ~~ ~~новѣ~~ „Безъ всякихъ средствъ существованія...“ Прочтите эти строки и подумайте, о, діаконъ! поднять на духовенство руку съ грязью,—не о „шелковыхъ и съ оборотами атласныхъ расахъ“, и деть тутъ рѣчь, а о насущномъ кускѣ хлѣба! Отчего это? Да отъ того, что „современный способъ содержанія духовенства“ такъ называемыи „доброточныи дааніяи“ не отвѣчаетъ потребностямъ, а въ результатѣ имѣетъ „безъ всякихъ средствъ существованія“. Отъ того что вмѣсто охраненія интересовъ духовенства, послѣднее встрѣчаетъ охлажденіе и не потому, чтоо пастыри превратились въ насѣнниковъ,—хотя ибъ правила безъ исключенія,—а потому чтоо современное революціонное движеніе, не вчера начавшееся, стремится, нынѣ въ особенности, сокрушить религію и пастырей, какъ служителей ея, ставитъ во главѣ своего адскаго замысла,—это стремленіе къ поправію религіи всею своею тяжестью прежде всего обрушивается на духовенство. Плоды этого стремленія всюду на лицо. Вотъ фактъ, краснорѣчиво говорящій, какъ пасомые подъ влияніемъ «современной сознательности», на что указываетъ о. Балазовскій, урѣзываютъ содержаніе духовенства: „Причты церковей м. Большаго-Токмака Бердянскаго уѣзда, вслѣдствіе уменьшенія обществомъ жалованья на 700 руб., рѣшили взимать пятирублевую плату за каждый бракъ. Духоуная консисторія постановила: въ виду того, что Большая-Токмакское общство уменьшиетъ жалованья

причту своихъ церковей нарушило свои обязательства по отношенію къ причтамъ,—рѣшеніе причты утвердить“ (Колоколъ 585). Нѣтъ сомнѣній, что эти выужденнаа пятирублевки всеуютъ раздоръ въ миролюбивыя отношенія пастырей и пасомыхъ. Что-же дѣлать, какъ быть? Нужно признать и за духовенствомъ, наравнѣ съ другими, право на полученіе опредѣленнаго казеннаго обезпеченія, чѣмъ и освободить его отъ всевозможныхъ нареканій, подобныхъ о. Балазовскаго и проч.,—простите, о, діаконъ, сколько въ васъ фарисейства!—и разъ навсегда положимъ основаніе миру среди пастырей.

Не думаю, чтобы кому нибудь была неизвѣстна всецѣлая материальная зависимость пастыря отъ пасомыхъ. Не угодои—проходи мимо! Обличай—лишился! Всею этому характерному положенію пастыря быть бы положено предѣль, пастырь былъ бы освобожденъ отъ оубъ, связывающихъ его и чувствовать бы себя какъ-бы освобожденнымъ изъ оковъ. ~~вѣ~~ Перегнѣвъ въ немъ была бы несомнѣнно къ лучшему, а утверждать, что, съ обезпеченіемъ духовенства казеннымъ жалованьемъ, волки сильнѣе будутъ расхищать стадо, значитъ совершенно не быть знакомымъ съ исторіею христіанства и положеніемъ его въ наше время. Волки эти всегда были и будутъ, по слову писанія,—между пшеницею до скопчанія вѣка будутъ расти плевелы. Этому положенію не можетъ воспрепятствовать тотъ или иной источникъ материальнаго обезпеченія духовенства. Успѣи же этихъ вошкоть только подсказываютъ необходимость поддержки духовенства со стороны казны, когда „Добродольныи даанія“ сводятся къ нулю, къ безъ всякихъ средствъ существованія... Необходимо дать пастырю убрѣнность, что оиъ и его семья обезпечены, и обезпечены именно опредѣленнымъ вознагражденіемъ не колеблившимся въ зависимости отъ прихоти пасомыхъ, подъ влияніемъ «агитаторовъ» нарушающихъ свои обязательства въ отношеніи духовенства. Справедливость послѣднихъ словъ исчитана. Съ предложеніемъ агитатора отбить землю, ауга и урѣзать плату за грѣбы,—было на сходѣ,—крестяне не богасились, благоразумно совзавая, что не пастыри причина ихъ сдѣланія. Въ противномъ случаѣ приходится прибѣгать къ „пятирублевкамъ“, а это, вопреки нашимъ о, діаконъ, заботамъ, только лишній шагъ для волковъ, лишній комъ грязи.

Духовенство въ настоящее время не можетъ быть убрѣно, что оиъ въ будущемъ мѣсяцѣ получитъ столько-то,—все зависитъ отъ количества грѣбъ и пожеланія смертей... Не даромъ ставятъ въ упрекъ духовенству, что чѣмъ больше смертей, тѣмъ для него лучше,—вѣдь оно зтѣмъ, говорить, живетъ. Грустно, но это такъ... Пора бы освободить его отъ этого...

Подняте въ „троемъ“ за мѣсяцъ существованія 10 рублей—вы о. Балазовскій не дѣлили?—, а каждый изъ трюихъ имѣетъ семейство,—и идите благотворить по „длaczego“... Да вѣдь это „воровство у своихъ дѣтей“. Кто же „наче о присныхъ не печетъ? При всей, однако, скудости духовенство благотворитъ,—не на показъ, конечно... Это не въ его характерѣ, фарисейски пересчитывать свои мнимыя добродѣтели оно не

способно. А укорять духовенство въ совершенномъ отсутствіи съ его стороны благотворительности, какъ дѣлается о. Балазовскимъ et cetera, по меньшей мѣрѣ недобросовѣстно и смахиваетъ на фарисейство. Къ тому же благотворительность должна быть достояніемъ всѣхъ и каждого, а потому «ты смотришь на суцокъ въ глаза брата твоего, а бревно въ твоёмъ глазѣ не чувствуешь? Или, какъ скажешь брату твоему: дай, я выну суцекъ изъ глаза твоего, а вотъ въ твоёмъ глазѣ бревно? Иди брѣвну!» вынь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть суцекъ изъ глаза брата твоего».

Все сказанное невольно приводитъ къ мысленно тому, что духовенство должно быть обеспечено опредѣленнымъ жалованьемъ отъ казны, — о достояніиъ его поговоримъ въ другой разъ; что современный способъ обеспечения отжилъ свое время, устарѣлъ для настоящаго времени и ваши, о. Балазовскій, платоническія совѣты пастырямъ «напоминать о прощении, мудродобіаніи».

«На какомъ основаніи повинность эту должно нести все населеніе Имперіи? Возраженіе это имѣло бы силу, если бы мы жили въ Турціи. Но, слава Богу, православное духовенство живетъ на Святой Православной Руси, гдѣ подл державнымъ скипетромъ Пра-

восланнаго Царя хозяева должны быть православные русскіе люди. Было время, когда наши предки подл властію татаръ несли бремя «оброкъ на орду» татарскую... и какое еще бремя? Что будете дѣлать, татары были хозяева и какъ хозяева распоряжались. Теперь, благодареи Богу, хозяева — православные люди, а остальные всецѣло должны подчиниться распоряженіямъ хозяина — Русскаго, Православнаго, Самодержавнаго Царя. А не угодно ли съ Богомъ не держимъ тѣснаго приходится и хозяевамъ...

«Сколько наемниковъ у Отца моего избыточествуютъ хлѣбомъ?», — неужели для православнаго духовенства господствующей на Руси «въ церкви» Христовой не найдется у Отца-Государя ересь? И неужели это обезпеченіе можетъ быть неприводительной и неосновательной трапой для казны? Позволяю себѣ усомниться. Что же касается «писанія» о Балазовскаго по вопросу: «какъ обезпечить духовенство?», то такое вызвано не желаніемъ искренняго разсмотрѣнія и отвѣта на вопросъ, — не желаніемъ помочь бѣдѣ, а желаніемъ высмѣять, опозорить или что тоже вынести соръ изъ семги, что въ особенности свойственно современнымъ ратѣльямъ русской земли.

Свѣщенникъ П. К.—и.

ОФФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Награда.

Свѣтлѣйшій Правительствующій Синодъ, по представленію Саратовскаго Епархіальнаго Начальства, удостоитъ награжденія Героюнахъ Саратовскаго Спасо-Преображенскаго Монастыря Гавріила, за отличную усердную службу, саномъ игумена: (Указъ Свѣтлѣйшаго Синода, отъ 5 мая 1908 года за № 5246-й).

Резолюціями Его Преосвященства предоставлены мѣста:

Псаломщицкія:

Отъ 5 мая за № 1686, при Свято-Троицкой церкви села Рязанова Брода, Балашовскаго уѣзда, — псаломщику свободы Александровки, Аткарскаго уѣзда, Александру Куколеву.

Отъ 5 мая за № 1687, при Казанской церкви слободы Александровки, Аткарскаго уѣзда, — псаломщику села Китовраса, Балашовскаго уѣзда, Михаилу Успенскому.

Отъ 5 мая за № 1688, при Дмитріевской церкви села Китовраса, Балашовскаго уѣзда, — псаломщику села Лапта, Камышинскаго уѣзда, Феодору Парадоксову.

Отъ 5 мая за № 1689, при Михаило-Архангельской церкви села Лапта, Камышинскаго уѣзда, — заштатному псаломщику Соборной церкви г. Петровска Митрофану Кавтыреву.

Исключенъ изъ списковъ за смертью:

25 апрѣля 1908 года псаломщикъ села Рязанова Брода, Балашовскаго уѣзда, Іоаннъ Яковлевскій.

Резолюціею Его Преосвященства, отъ 12 мая за № 233, диаконъ села Воскресенскаго, Волскаго уѣзда, Алексѣй Бирюковъ перемѣщенъ на діаконскую вакансію къ Свято-Троицкой церкви села Перешиного, Камышинскаго уѣзда.

Опредѣленіемъ Саратовскаго Епархіальнаго Начальства, отъ 5 мая 1908 года за № 339—1690, оставшій Титулярный Совѣтникъ Феодоръ Бѣльскій принятъ на гражданскую службу въ Консисторію съ назначеніемъ въ штатъ канцелярскихъ чиновниковъ.

Утверждены въ должности церковныхъ старостъ:

По Аткарскому уѣзду: къ Казанской церкви села Малой Кязевки крестьянинъ Денисъ Безосновъ, на 1-е трехлѣтіе, къ Михаило-Архангельской церкви села Широкаго Карамыша крестьянинъ Михайль Данилинъ, на 1-е трехлѣтіе, и къ Казанской церкви села Ключей крестьянинъ Терентій Володинъ, на 1-е трехлѣтіе.

По Петровскому уѣзду: къ Михаило-Архангельской церкви с. Каргалейки крестьянинъ Евимій Григорьевъ, на 1-е трехлѣтіе.

По Саратовскому уезду: къ Казанской церкви села Новой Всеволодини крестьянинъ Василей Князьевъ, на 1-е трехлѣтїе, къ Николаевской церкви села Маринской Колонїи крестьянинъ Сеодоръ Александровъ, на 1-е трехлѣтїе, и къ Николаевской церкви села Рославлевскаго крестьянинъ Сеодоръ Петровъ на 1-е трехлѣтїе.

По Петровскому уезду: къ Николаевской церкви села Дюпина крестьянинъ Григорій Урусовъ, на 1-е трехлѣтїе.

По Царицкому уезду: къ Космо-Даминской церкви села Романовки крестьянинъ Петръ Абрамочкинъ, на 1-е трехлѣтїе.

По Хвалынскому уезду: къ Казанской церкви села Демкина крестьянинъ Иванъ Урваевъ, на 7-е трехлѣтїе.

Праздныя мѣста

Священническая:

Въ селѣ Покурляяхъ, Хвалынскаго у., при Александровской церкви (душъ 6482, об. п. земли 34 дес., домъ обществ., казен. жалованіе 144 р.).

С. Чернавкѣ, Петровскаго у., при Михаило-Архангельской единовѣрческой ц. (душъ 897, об. п. земли 33 дес., домъ обществ., школа).

С. Ново-Георгиевскомъ, Царицкаго у., при Казанской церкви (душъ 1797 об. п. земли 33 дес., домъ обществ., казен. жал. 800 р. школа).

С. Сианенькихъ, Саратовскаго у., при Христорождественской церкви (душъ 5371 об. п., земли 67 десят., домъ церков., казен. жалов. 94 руб. 4 коп., двѣ школы).

Селѣ Верхней Чернавкѣ, Вольскаго у., при Николаевской церкви (душъ 2197, об. п. земли 33 десят., домъ обществ., казен. жалов. 294 руб., школа).

Селѣ Пилюгинѣ, Вольскаго у., при Николаевской ц. (душъ 1718, об. п. земли 33 д., домъ общ. каз. жал. 94 р. 8 к. школа).

Въ г. Вольскѣ, при Христорождественской-единовѣрческой церкви, (душъ 1491, об. п. земли 20 д., казен. жал. 300 р., школа).

Въ с. Малыхъ Оаеркахъ, Саратовскаго уезда, при Цмгтрѣвской церкви, душъ 1276 об. п. земли 33 дес., домъ обществ., казен. жалованье 294 р. школа.

Въ с. Поповкѣ, Саратовскаго уезда, при Покров-

ской церкви, душъ 2763 (об. п. казен. жалов. 98 руб. 8 коп., три школы).

Въ с. Бѣломъ Ключѣ, Саратовскаго уезда, при Николаевской церкви, —душъ 1774 об. п. земли 40 десят., домъ обществ., казен. жалов. 300 руб.) двѣ школы.

С. Малой Ивановкѣ, Царицкаго у., при Покровской церкви (душъ 2613, об. п. земли 66 дес., домъ общ., каз. жалов. 107 р. 48 к., школа).

С. Николаевкѣ, Камышинскаго уезда, при Михаило-Архангельской церкви, душъ 1328 об. пола, земли 33 десят., домъ обществ., казен. жалов. 294 руб., школа.

С. Мѣловомъ, Камышинскаго уезда, при Николаевской церкви, душъ 3041 об. пола, земли 66 десят., домъ обществ., казен. жалов. 294 руб. четыре школы.

С. Годицинѣ, Аткарскаго уезда, при Покровской церкви, душъ 3538 об. пола, земли 65 десят., домъ церков., казен. жалов. 141 руб. 12 коп., двѣ школы.

Селѣ Маринѣ, Аткарскаго уезда, при Казанской церкви, —душъ 2321 об. пола, земли 33 десят., домъ церков., двѣ школы.

Селѣ Новосильцевѣ, Вольскаго уезда, при Нерукотворенно-Спасской церкви, —душъ 1870 об. пола, земли 83 десят., домъ церков., казен. жалов. 141 руб. 12 коп., школа.

Селѣ Малиновкѣ, Сердобскаго уезда, при Михаило-Архангельской церкви, —душъ 3979 об. пола, земли 33 десят., казен. жалов. 144 руб. двѣ школы.

Поселкѣ Ивановкѣ, Царицкаго уезда, при Иоанно-Богословской церкви, —душъ 923 об. пола, земли 33 десят., домъ обществ., казен. жалов. 300 руб., обществ. 400 руб., школа.

Селѣ Софинѣ, Сердобскаго уезда, при Казанской церкви, —душъ 1251 об. пола, земли 33 десят., домъ обществ., школа.

Г. Царицынѣ при Покровской церкви, душъ 1351 об. пола, домъ церков., школа.

Слободѣ Малой Воронцовкѣ, Аткарскаго уезда, при Свято-Троицкой церкви, душъ 5728 об. пола, земли 33 десятины.

Псаломщическая:

Въ г. Саратовѣ, при церквяхъ: ИоанноПредтеченской и Маріе-Магдалинской Маринскаго дѣтскаго пріюта, —селѣ Илюшкинѣ, Хвалынскаго уезда, —селѣ Чернавкѣ, Петровскаго уезда, при Михаило-Архангель-

ской-единовѣрческой церкви.

Въведѣніе въ законъ									
№ 1. Число въведенныхъ въ законъ школъ по различнымъ губерніямъ									
№ п/п	Губернія	Число въведенныхъ школъ	Число учащихся	Число учителей	Число классовъ	Число часовъ учебнаго года	Число часовъ учебнаго года по учебному плану	Число часовъ учебнаго года по учебному плану съ сокращеніемъ	Число часовъ учебнаго года по учебному плану съ сокращеніемъ и безъ сокращенія
1	Архангельская	2	50	17	152	—	—	—	—
2	Вологодская	3	85	24	100	—	—	—	—
3	Вятская	9	190	171	174	—	—	—	—
4	Казанская	—	—	—	—	—	—	—	—
5	Кировская	1	21	13	05	—	—	—	—
6	Нижегородская	—	—	—	—	—	—	—	—
7	Саратовская	1	170	33	100	—	—	—	—
8	Симбирская	—	—	—	—	—	—	—	—
9	Тамбовская	—	—	—	—	—	—	—	—
10	Уфимская	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого по введеннымъ школамъ		10	611	335	302	—	—	—	—

за 1907 гражданскій годъ.

Въведѣніе въ законъ									
№ 2. Число въведенныхъ въ законъ школъ по различнымъ губерніямъ									
№ п/п	Губернія	Число въведенныхъ школъ	Число учащихся	Число учителей	Число классовъ	Число часовъ учебнаго года	Число часовъ учебнаго года по учебному плану	Число часовъ учебнаго года по учебному плану съ сокращеніемъ	Число часовъ учебнаго года по учебному плану съ сокращеніемъ и безъ сокращенія
1	Архангельская	0	4	7	—	—	—	—	—
2	Вологодская	1	88	30	457	247	14	103	308
3	Вятская	3	18	24	208	78	206	03	81
4	Нижегородская	—	—	—	—	—	—	—	—
5	Саратовская	1	75	137	760	631	320	186	402
6	Симбирская	—	—	—	—	—	—	—	—
7	Тамбовская	—	—	—	—	—	—	—	—
8	Уфимская	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого по введеннымъ школамъ		5	171	67	1443	816	532	289	799

1) Число часовъ учебнаго года по учебному плану съ сокращеніемъ и безъ сокращенія.

Въведѣніе

Саратовскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта

О ЦЕРКОВНЫХЪ ШКОЛАХЪ

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

САРАТОВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ВЕЩЕЙ

имѣеть въ большомъ и разнообразномъ выборѣ всевозможную церковную утварь:

панникадилы, лампады, подсвѣчники, хоругви, запрестольные кресты, водосвятные чаши, серебряные сосуды, евангелія, дароносицы, дарохранительницы, кресты: священническіе, синодальныя, напрестольныя, натѣльные, — кадила, крестильныя ящики, кропила, блюда сборная и антидорныя, ковши теплотные, мурницы, шандалы, плащаницы, воздухи, свѣчи металлическія и проч.

ИКОНЫ ВЪ СЕРЕБР. и АПЛИК. РИЗАХЪ и БЕЗЪ РИЗЪ и КЮТЫ.

Парча, галуны, кисти, бахрома и пуговицы.

ГОТОВЫЯ ОБЛАЧЕНІЯ: священническія, діаконскія и напрестольныя. **ТРЕБОВАНИЯ И ЗАКАЗЫ** исполняются скоро и аккуратно.

Цѣны фабричныя безъ запроса.

Книжный Складъ

Саратовскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Г. САРАТОВЪ,

Московская, близъ Александровской, рядомъ съ домомъ Кредитнаго Общества.

Имѣется большой выборъ богослужебныхъ книгъ,

сборникъ проповѣдей, книги для священнослужителей, религіознонравственнаго и научнаго содержания, русскихъ и иностранныхъ писателей, учебниковъ, дѣтскихъ, канцелярскихъ книгъ, учебныхъ пособій, альбомовъ письменныхъ принадлежностей, географическихъ картъ всѣхъ частей свѣта, Россійской имперіи и другихъ государствъ, картинъ—библейскихъ, историческихъ и пр.

— ПО ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ,

со скидкой на книги 10% съ номинальной стоимости ихъ.

Принимаются заказы на выписку и переплетъ книгъ, журналовъ и проч.

Заказы исполняются скоро и аккуратно.

Принимаются книги на комиссію по соглашенію съ авторами или издателями ихъ.

Г.г. иногородніе и желающіе продать книги благоволятъ присылать Складу подробные списки имѣющихся у нихъ для продажи книгъ, съ обозначеніемъ цѣны, за какою желаютъ продать ихъ.